

Хазарос Ахаян

Аслан-Бала

Жил когда-то царь. Как-то один из царских охотников приходит к нему и говорит:

— Долгих лет жизни тебе, государь! Сегодня в нашем лесу я увидел удивительную вещь — львицу, а с нею ребенка семи или восьми лет. Ребенок и львица играли друг с другом, как мать и дитя. Хотел, было сразить львицу стрелой, убить, но потом испугался, подумал, что могу попасть в ребенка или же не убью, а раню львицу, и она нападет на меня. Поэтому я тихо повернулся и ушел.

Когда царь услышал это, он приказал, чтобы несколько тысяч человек окружили лес, убили или прогнали львицу, а ребенка целым и невредимым взяли и доставили к нему.

Приказ царя был выполнен. Ребенка взяли и привезли во дворец. Это был живой и красивый мальчик, глаза у него были большие, лоб высокий, волнистые, рассыпавшиеся по плечам волосы были расчесаны когтями львицы, стан у него был тонкий, грудь широкая.

Десять человек с трудом смогли схватить его и связать, но многих он исцарапал своими длинными-предлинными ногтями. Бедняга был наг и нем, не умел говорить, а только рычал, как лев.

Убедившись, что держать его на воле невозможно, его привязали железными цепями и стали постепенно приручать. Его называли Аслан-бала, то есть детеныш льва. А сын царя Вург, который с первого же дня его очень полюбил, дал ему имя Арсен. Вург ухаживал за Арсеном, кормил его, поил, давал всевозможную вкусную еду, которую тот ел за семерых. Вург в зеркале показал Арсену его изображение, чтобы он убедился, что он не лев, а человек. Потерявшая детеныша львица случайно нашла лишившегося матери грудного ребенка и стала кормить его своим молоком.

За несколько дней Арсен очень присмирел и так привязался к Вургу, что полностью покорился ему. Вург освободил его от цепей, выкупал, причесал, постриг длинные ногти, надел на него такую же, как у него, одежду и научил его говорить, петь и еще многому тому, что умел делать сам. Не прошло и трех месяцев, как в Арсене не осталось никаких признаков дикости, и выяснилось, что он очень даровит и умен. Его слух, зрение, обоняние были развиты в десять, двадцать раз больше, чем у обычных детей. Его речь не была столь красноречива, как его сердце, которое молча говорило ему, что хорошо, а что плохо, что такое зло и что такое добро. Познание сердцем, то самое, что передается словами: «сердце говорит», «сердце тянется», «сердце не лежит», «сердце чувствует», вот это познание сердцем, которое ученые люди называют инстинктом, в Арсене было развито сверх меры, и он знал многое такое, чего даже не испытал.

Если Вург воспитал, обучил Арсена, то и сам многому научился у него. Вург развил речь, мысль Арсена, а Арсен закалил его тело и сердце. Арсен любил играть, бегать, любил горы, ущелья, леса, дом ему казался тюрьмой, и он брал с собой Вурга. Таким образом, насколько изменился Арсен, превратившись из дикаря в человека, настолько же изменился Вург. Оказавшись на лоне природы, он стал сильным, ловким, бесстрашным и храбрым, забыл прежнюю робость. Так, благотворно влияя друг на друга, Вург и Арсен как бы обрели единое тело, пока не стало им по семнадцать-восемнадцать лет.

Однажды они вышли на прогулку к берегу реки. Навстречу шли девушки с кувшинами воды. Среди них оказалась и одна старуха с худым и морщинистым лицом. Проходя мимо Вурга, она косо посмотрела на него. Ему не понравился этот взгляд.

— Я должен разбить кувшин этой старухи - сказал Вург и, не дожидаясь ответа друга, швырнул камень, попал в кувшин и разбил его, вода облила бедную старуху с ног до головы.

Старуха оглянулась и, увидев, что этот озорник сын царя, сказала:

— Как тебя проклясть, сынок?.. Увидеть бы мне, как тебя охватит пламя любви к Антес-Аинман, как ты сгораешь и мучаешься из-за нее, чтобы сердце мое утешилось этим.

Проклятье старухи, словно стрела ангела любви, вонзилось в сердце Вурга. Вург стал грустить, худеть. Если раньше он был неразлучен с Арсеном, сейчас в одиночестве скитался по горам, по долам, скорбел, плакал, звал Антес-Аинман, летел к ней всем сердцем и душой, воспевал ее в песнях, просил ее прийти ему на помощь. Антес-Аинман представляла в его мечтах в своей неземной красоте. В такие минуты он закрывал глаза, опускался на колени, восславлял ее, приходил в такое восторженно-исступленное состояние, что терял сознание.

Это, собственно, была и не любовь, а страстное вожделение, заветная мечта, сильнейшее желание, то чувство, которое только и может привести к достижению желанной цели.

Такое страстное желание может быть также у человека, стремящегося к учебе, к приобретению знаний, к осуществлению зародившейся в нем великой идеи.

Для Арсена сердечная боль Вурга не осталась тайной. Он чувствовал и видел все. Он считал это хорошим поводом как для испытания своей храбрости, так и для доказательства своей безграничной любви к Вургу. И вот однажды он нашел его в лесу и сказал:

— Брат мой, я вижу, что ты изводишь себя. Почему ты скрываешь от меня свою беду? Какой же я тебе друг, если не исполню твое заветное желание? Давай действовать! Лучше умереть с надеждой в борьбе, чем без надежды жить в бездействии. Проклятье старухи на самом деле было не проклятьем, а прекрасным благословением. Без него ты бы не испытал такого сильного чувства и не мечтал овладеть прекрасной девушкой в мире...

Эти слова Арсена очень растрогали Вурга, он со слезами на глазах обнял и поцеловал его горячим поцелуем влюбленного юноши.

— Арсен джан, - воскликнул он, - как ты великодушен! Я не хотел, чтобы ты знал о моих страданиях и делил их со мной. В чем ты виноват? Кувшин разбил я, старуха прокляла меня и мучиться должен я один.

Но уже обессилен. И что я могу сделать без тебя? Я не могу ни о чем думать, не могу действовать. Отныне мое заветное желание, моя жизнь и смерть в твоих руках — ты должен вести меня.

— Не смерть, а только жизнь - сказал Арсен. - Соберись с силами и не отчаивайся, мы вскоре пустимся в путь. Настало время проявить себя, показать, на что мы способны. Иначе к чему мы пригодны? Землю не пашем, скота не держим, и войны нет, чтобы воевать. Зачем же мы живем на свете? Я и сам не знаю. Эта бесцельная жизнь недостойна мужчины.

— Но разрешит ли мой отец? Как ему сказать об этом?

— Как-нибудь скажем. Знаю, что не разрешит, объяснит нам трудность нашего предприятия, невозможность достижения нашей цели, но, не дожидаясь нашей просьбы, сам же и укажет нам, куда идти.

Кроме Вурга, у царя была дочь, не уступающая красотой Антес-Аннман. Ее звали Астхик. Она любила Арсена так же сильно, как Вург любил Аннман. Узнав о намерении брата, она убеждала отца, чтоб он не разрешил им совершить такое опасное путешествие.

— Разве кто-нибудь возвращался оттуда? - говорила Астхик. - Уговори их, чтобы они не делали этого. Где это слыхано, чтобы влюблялись в девушку, которую не видели? Это просто безумие и больше ничего.

Царь вызвал к себе обоих юношей и сказал:

— Мне все известно. Очень сожалею, что сердцем моего сына овладела бредовая тоска, но отпустить вас не могу. Ради этой девушки погибли сыновья многих царей, были уничтожены целые армии, я сам участвовал в этих сражениях, шел на помощь другим. Она живет за семью горами, в Черной Крепости. У нее сорок братьев, один огромнее другого. Даже войско из сорока полков ничего с ними сделать не может. Вырвав с корнем по одному исполинскому дубу, они сметают войско с поля боя, как мы сметаем метлой

солону с гумна. Не безумие ли это с вашей стороны — попасть в когти этих дэвов?

— Прости меня, царь-отец, что я смею спорить с тобой - сказал Арсен. - Никакая сила в мире не может сравниться с волей бога. Сила в руках бога: кого захочет, он сделает сильным или слабым, даже могучего дэва превратит в беспомощного ребенка. Ты говоришь, что многие сражались за нее, и не добились успеха, но был ли среди этих многих хотя бы один человек, вскормленный львицей? Кто мог внушить львице эту жалость ко мне, заботу обо мне, если не бог? Раззе был среди тех, кто сражался за нее, хотя бы один человек, в которого какая-то старуха своим проклятием или благословением вселила любовь к Аннман? Почему не предположить, что между всеми этими явлениями существует невидимая связь, и все они так совпали, чтобы мы овладели тем, чего не добились другие?

— Ты очень умно говоришь, Арсен - сказал царь,- ты можешь быть хорошим оракулом и тебе под силу любые чудеса, потому что твое детство само по себе уже чудо. Но ты должен знать, что все, что делают на земле жрецы или творцы чуда, они делают по воле и приказу царя. Да, ты можешь стать верховным жрецом, но не затем, чтобы обратить меня в свою веру. Мое слово закон.

— Отец, - заговорил Вург, - если я не поеду, я умру от этой боли. Я уже был бы мертв, если бы не обнадеживающие уговоры Арсена. Если ты не разрешишь нам ехать, то я умру от отчаяния. Смилуйся надо мной, благослови нас и проводи в путь.

— Не верь, отец, - вмешалась Астхик. - Кто это умирал от любви? От безделья на него нашло безумие. Объяви войну царю Андасу, пусть пойдет в бой, его бред развеется...

— Сестра, дорогая моя сестра! - вскричал Вург, бросив на Астхик взгляд, полный мольбы.

— Брат мой, дорогой брат, - ответила Астхик, бросив на Арсена взгляд, полный сострадания.

Вург понял, что его сестра также влюблена, и если ради его любви надо было уехать, то ради ее любви надо было остаться здесь.

— Пошли, - сказал Арсен. - Мы вверимся божьей воле, как он распорядится, так мы и поступим.

— Решено, - воскликнул Арсен в присутствии Вурга, как бы говоря про себя, - надо ехать, непременно надо ехать... я не буду считать себя достойным любви Астхик, пока не исполню заветное желание ее брата. Кто я, кто моя мать?.. Аслан-бала... пустой звук... Что я сделал? Чем я подтвердил это прозвище? Чем доказал, что вскормлен молоком львицы?.. Нет, значит, не вскормлен я львиным молоком... Поехали, поехали Вург!.. Еще неизвестно, кто из нас двоих Елюблен сильнее и перед кем из нас стоят более трудные препятствия. Поедем, друг, поедем, обретем крылья любви и вознесемся все выше и выше... И будь, что будет, когда мы окажемся уже в Черной Крепости...

Наши храбрецы пошли в оружейную, выбрали себе доспехи, взяли по одному волшебному дедовскому мечу, которым можно было разрубить и камень, и железо, оседлали коней и, сказав, что сдут на охоту, умчались. Потекли дни, но юноши не возвращались. Тогда только все поняли, куда они отправились.

За семью горами, в Черной Крепости братья Антес-Аниман устроили пышное торжество, потому что одержали большую победу: снесли головы семи дэвам и освободили из плена семь девушек. Их было всего семь братьев, хотя молва довела их число до сорока, и женились они на семи девушках, освобожденных из плена. Все были веселы и довольны, печальна была лишь их сестра — Антес-Аинман.

— Почему ты так грустна, сестра моя? - спросил старший брат. - У тебя семь братьев и все семеро готовы сложить головы ради тебя, а теперь у тебя есть семь невесток, они готовы быть твоими служанками, хотя все они дочери великих князей и царей. Если что-либо тебя заботит, скажи нам — мы готовы исполнить любую, даже незначительную твою прихоть.

— Я и сама не знаю, почему я грустна, - сказала Аннман, - этой ночью мне приснился сон, наверное, от этого...

— Что же тебе приснилось? Скажи нам, - спросил старший брат.

— Во сне я видела двух спустившихся с неба ангелов — один красивее другого. У одного в руках был меч, а у другого — букет цветов. Один держал над вашими головами сверкающий меч, а другой протягивал мне свой благоухающий букет. Я была еще во сне, когда услышала под моим окном щебет птички, которая пела: «Вург-Вург-Вург». При этом имени я проснулась, мне было не по себе, я чуть не лишилась сознания. Казалось, птичка называла имя того ангела, который подарил мне букет. Как он был красив, как красив!..

Сказала это сестра и со слезами на глазах удалилась, чтобы скрыть от братьев свое волнение и смятение.

— Наша сестра получила весточку, - сказал старший брат.- Если тот, кто дал ей эту весточку, придет сюда, мы будем побеждены. Сверкание меча означает наше поражение.

— И, кажется, уже время, чтобы наша сестра обрела свое счастье, - сказал младший брат. - Хватит, сколько мы из-за этого пролили крови. Впредь тому, кто придет, - почет и уважение.

— В этом ты прав, - сказал третий, - но тот, кто придет, может оказаться не Вургом, а кем-то совсем другим. Неужели мы должны отдать сестру за первого встречного?

— Нет, нет, - слышалось со всех сторон, - пусть над нашей головой сверкает меч, лишь бы сестра вышла за того, кого захочет.

Братья сказали так, но в сердце каждого из них закрался такой страх, какого они никогда не испытывали прежде.

8

Наши юноши шли ровно семь дней, встречали в пути и зло, и добро, рассказывали многим о цели своего путешествия, слышали об ужасных опасностях, но бесстрашно продолжали свой путь, пока не достигли границы Черной Крепости.

Черная Крепость находилась на покрытой лесом высокой горе. Недалеко от крепости, на усыпанной цветами долине, у родника они спешили.

— Ты собери хворост и разожги костер, - сказал Арсен, - а я разок спущусь в глубь этого ущелья, может, раздобуду какую-нибудь дичь. Следов много, здесь хорошее место для охоты.

Арсен ушел, а Вург вместо того, чтобы собрать хворост, стал срывать цветы и сделал букет. Вернулся Арсен с огромным кабаном на спине.

— Где же огонь? - спросил Арсен.

— Огонь в моем сердце, - ответил Вург. - Посмотри, какой красивый букет я сделал для моей Антес.

— Значит, не видя воды, ты уже приготовился плавать? Хорошо, тогда подойдем поближе к крепости и там разожжем костер, чтобы нас скорее заметили. Посмотрим, что они нам скажут.

— Я тоже думаю, что так будет лучше. Будь что будет, и чем скорее, тем лучше.

Поднялись они до ограды крепости, разожгли огонь, кабана целиком насадили на длинный шест и стали жарить. Арсен все это делал умышленно, чтобы их приняли не за простых людей, а за великанов.

Как только дым и пламя от костра поднялись высоко в небо, великаны заметили это, и послали одного из братьев узнать, что там происходит и кто это прибыл.

— Вот кто-то идет, - сказал Арсен, - ты держись величественно, не двигайся с места, и при удобном случае прикажи мне что-то сделать, чтобы они поняли, что ты мой господин, а я твой слуга.

К ним шел человек исполинского роста. Хотя Арсен и Вург тоже были здоровенными, но тот в сравнении с ними был великаном.

— Кто вы такие? - спросил великан издали. Арсен жестом подозвал его, мол, подойди, посмотрим, чего ты хочешь.

Великан приблизился и, когда увидел, что они жарят целого кабана, его охватил страх, но он не показал своего испуга и стал сердиться, мол, как они осмелились охотиться за их дичью. Он наклонился, чтобы взять шест и отшвырнуть его, но Арсен схватил его за ворот и отбросил так далеко, что великан покатился, как колода. Разгневавшись, он встал и вцепился в Арсена. Арсен, уже испытывший силу великана, схватил того за уши, головой ударил о землю и поставил перед собой на колени. Вург, не желая оставаться безучастным, расстегнул крепкий кожаный пояс великана и связал его руки. Потом его привязали к толстому дереву, а сами сели за еду.

— Начало хорошее, - сказал Арсен, - посмотрим, каким будет конец.

Затем, обратившись к великану, сказал:

— Мы приехали к вам в гости, и вы так принимаете своих гостей? Хочешь, дадим тебе кусок мяса? На, поешь.

Он приблизил ко рту великана большой кусок мяса.

— А вы так угощаете ваших гостей? - спросил великан.- Развяжите меня и затем уже приглашайте к столу.

— Ну, а потом? Ты даешь слово, что не убежишь и не позовешь своих братьев? А даже если дашь слово, кто тебе поверит? Но чтобы ты убедился, что мы неплохие люди, посмотри на этот меч, одним ударом я мог бы снести тебе голову, но я дарю тебе жизнь, потому что этого желает мой господин, он не дал приказа проливать кровь.

В это время они заметили, что идет еще один великан. Когда тот увидел своего брата привязанным к дереву, его охватил страх, но он был разгневан больше первого и, не спрашивая ни о чем, сразу же набросился на юношей. Арсен вышел вперед, схватил и его за уши, поставил на колени и сказал:

— Сначала поклонись нам, мы не простые земные люди, а ваши ангелы смерти.

При этих словах великан стал дрожать подобно яйцу, угодившему в лапы охотничьей собаки. Этого еще легче было привязать к дереву, рядом с братом.

Затем пришли третий, четвертый — все семеро.

— Где ваши другие братья? - вскричал Арсен. - Пусть придут к вам на помощь.

— У нас больше нет братьев, - сказал самый старший, - нас всего семеро.

— Очень хорошо, - сказал Арсен, - какой вы нам дадите выкуп, чтобы мы освободили вас? Вы же видите, что ваша жизнь в наших руках и одного удара достаточно, чтобы снести вам головы.

И Арсен поднял над их головами свой сверкающий меч...

В это время до слуха Арсена донесся голос:

— О, пожалейте, пожалейте, моих братьев, это не вы победили их, а судьба.

Арсен оглянулся и увидел, что к ним идет девушка с белым покрывалом на лице.

— Мне до нее нет дела, - сказал Арсен Вургу,- это твоя доля. Делай, что хочешь.

— О небо, помоги мне! - воскликнул Вург и с букетом в руках подошел к девушке и, преклонив колени, сказал:

— О моя Антес-Аннман, возьми у меня этот букет, вместе с ним я отдаю тебе свое сердце и душу.

— Я приму этот дар, потому что вручает мне его Вург.

— Откуда ты знаешь мое имя, о моя любимая?

— Мне сообщили его птицы небесные, - ответила девушка и, откинув покрывало с лица, сказала:

— А вот мой дар тебе. Видя красоту Аннман, Вург с трепетом в сердце едва смог обнять ее и поцеловать, но и девушка лишилась сил, и оба упали без чувств.

— Мой брат вкусил сладость единственного счастливого мгновения человеческой жизни. Даже если после этого нас убьют, не беда, - сказал Арсен и со слезами радости на глазах подошел к привязанным великанам и освободил их.

Великаны также были глубоко взволнованы, тем более, что они были уже подготовлены сном своей сестры. Один из них побежал домой, чтобы подготовиться к приему гостей, другие окружили Арсена и, восхваляя его мужество, направились к дому.

А Вург и Аннман шли позади всех, часто останавливались, любуясь и восхищаясь друг другом и рассказывая о своих сновидениях.

Три дня великаны не отпускали наших храбрецов, каждый день устраивали новое веселое празднество. Через три дня проводили их с большими дарами и приданым.

Когда они вернулись домой, царь устроил пышное пиршество, отпраздновали две свадьбы одновременно: Вурга с Антес-Аинман, и Арсена с Астхик. Во время этой свадьбы, как и на каждой свадьбе в сказке, также упало три яблока прямо с неба, но на этот раз яблоки предназначались не для тех, кто рассказывал и слушал. Одно было для веры и храбрости, второе — для надежды и добродетели, третье — для любви и силы.